

РАЗДЕЛ V
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

**Part V. METHODOLOGICAL FOUNDATIONS
OF THE PHILOSOPHY OF EDUCATION**

Философия образования. 2025. Т. 25, № 3
Philosophy of Education, 2025, vol. 25, no. 3

Научная статья
УДК 165+13+004
DOI: 10.15372/PHE20250312
EDN: SFXERB

**К проблеме эпистемологической релевантности
цифровых и информационно-коммуникационных
стратегий образовательного гнозиса**

**Стрельченко Василий Иванович¹, Балахонский Виталий
Витальевич², Иванов Евгений Александрович³, Балахонская
Людмила Владимировна⁴**

^{1,3}Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

⁴Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹v_strelchenko@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1456-5937

²Balakhonsky@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3098-2802

³Jenya94.04.10@mail.ru, ORCID: 0009-0004-0607-7794

⁴l.balakhonskaya@spbu.ru, ORCID: 0000-0002-1842-5678

Аннотация. *Введение.* Существующие концепции цифровизации, информации и информационно-коммуникационных технологий как важнейших элементов стратегии образовательного гнозиса являются выражением исторических и современных достижений научной рациональности в области математики, логики, кибернетики и теории информации. Доктрина информационного общества, имманентных ему образовательных институций, многообразие форм их спекулятивно-теоретических репрезентаций являются итогом современных попыток уяснения культурно-цивилизационного смысла революции в математике и компьютерной технике. Поэтому проблема образовательного значения цифровизации и техник информационно-коммуникационного моделирования формулируется и рассматривается в контексте анализа вопросов природы научного знания, условий его достоверности и истинности, познавательного значения и границ применимости методов

логических, концептуальных и терминологических средств. *Методология.* В исследовании используются историко-критический и междисциплинарный подходы, включающие сравнительное философско-эпистемологическое исследование концепций информационного общества и общества знания в контексте анализа их предметного (диалектика) и смыслового (феноменология) содержания. *Обсуждение.* Заимствованные из области математики, теории информации и кибернетики понятия о цифровизации, информации и информационно-коммуникационных технологиях сами по себе отнюдь не принадлежат к числу эпистемологических средств, непосредственно фиксирующих те или иные образовательные и вообще, какие-либо социальные сущности. Этим обусловлено выдвигание на передний план проблемы их истолкования в терминах объектов эпистемологии образовательного опыта (познавательного и практического). *Заключение.* Решение вытекающих отсюда задач, определения границ и идентификации предметного содержания «цифровой образовательной среды» предполагает разработку специальной системы средств философско-эпистемологической аналитики, обеспечивающей возможность корректного междисциплинарного синтеза.

Ключевые слова: информация, цифровизация, информационное общество, образование, эпистемология, научная рациональность, информационно-коммуникационные технологии

Для цитирования: Стрельченко В. И., Балахонский В. В., Иванов Е. А., Балахонская Л. В. К проблеме эпистемологической релевантности цифровых и информационно-коммуникационных стратегий образовательного гнозиса // Философия образования. 2025. Т. 25, № 3. С. 182–203. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20250312>

Благодарности: Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 60-ВГ «Формирование систематических представлений о российской цивилизации, ее государственности и культуре в контексте общеобразовательной подготовки иностранных обучающихся по дисциплине «Основы российской государственности»»).

Scientific article

On the problem of epistemological relevance of digital and information and communication strategies of educational gnosis

Vasilii I. Strelchenko¹, Vitalii V. Balakhonsky², Evgenii A. Ivanov³,
Liudmila V. Balakhonskaya⁴

^{1,3}Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia,

²St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

⁴Higher School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University
¹v_strelchenko@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1456-5937

²Balakhonsky@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3098-2802

³Jenya94.04.10@mail.ru, ORCID: 0009-0004-0607-7794

⁴l.balakhonskaya@spbu.ru, ORCID: 0000-0002-1842-5678

Abstract. *Introduction.* The existing concepts of digitalization, information, and information-communication technologies as key elements of the strategy of educational gnosis represent the expression of both historical and contemporary achievements in scientific rationality within the fields of mathematics, logic, cybernetics, and information theory. The doctrine of the information society, its inherent educational institutions, and the diverse forms of their speculative-theoretical representations are the result of modern attempts to clarify the cultural and civilizational meaning of the revolution in mathematics and computer technology. Therefore, the issue of the educational significance of digitalization and the techniques of information-communication modeling should be formulated and considered in the context of analyzing the nature of scientific knowledge, the conditions for its reliability and truth, its cognitive value, and the limits of applicability of methodological, conceptual, and terminological tools. *Methodology.* The study employs historical-critical and interdisciplinary approaches, encompassing a comparative philosophical-epistemological investigation of the concepts of the information society and the knowledge society. This is done within the context of analyzing their substantive (dialectical) and semantic (phenomenological) content, as well as examining the methodological and ideological strategies of digitalizing education. Dialectics is interpreted as the “science of connections in contrast to metaphysics”, a theory of the “unity of opposites” that enables the mental reconstruction of an object in its contradictoriness, processuality, and integrity. Phenomenology is utilized as a method grounded in techniques for expressing all substantive content through acts of consciousness, thereby de-objectifying objectified logical relations. The systematic application of a suite of philosophical-epistemological analytical tools offers a tangible prospect for uncovering the cognitive significance and delineating the boundaries of applicability of digital and information-communication technologies in the educational sphere. *Discussion.* The concepts of digitalization, information, and information-communication technologies, borrowed from the fields of mathematics, information theory, and cybernetics, are not epistemological tools that directly capture specific educational or, in general, any social entities. *Conclusion.* The solution to the tasks arising from this, namely determining the boundaries and identifying the substantive content of the “digital educational environment”, requires the development of a specialized system of philosophical-epistemological analysis tools that enables correct interdisciplinary synthesis.

Keywords: information, digitalization, information society, education, epistemology, scientific rationality, information-communication technologies

For citation: Strelchenko V. I., Balakhonskiy V. V., Ivanov E. A., Balakhonskaya L. V. On the problem of epistemological relevance of digital and information and communication strategies of educational gnosis. *Philosophy of Education*, 2025, vol. 25, no. 3, pp. 182–203. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20250312>

Acknowledgment: The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 60-VG «Formation of systematic ideas about Russian civilization, its statehood and culture in the context of general educational training of foreign students in the discipline “Fundamentals of Russian statehood”»).

Введение. В отличие от информации, которая, подобно любым, чисто количественным размерностям, «безразлична к бытию» (В. Гегель), знание

является качественной характеристикой информации, мерой ее осмысленности в терминах истинностных значений. Не случайно, теоретики информационного общества вводят понятие «общество знания» в значении особого, следующего после информационного этапа в развитии постиндустриального общества. Тем самым образование приобретает характер осмысленного с точки зрения условий достоверности процесса производства, освоения и исторической трансляции знаний, – прежде всего научных знаний.

Если иметь в виду, что идеи информационного общества и общества знания, так же, как и имманентные им образовательные практики, принадлежат к продуктам объективаций научной рациональности, то их оценка в терминах значений истинности эквивалентна квалификации с точки зрения принадлежности к «естественно возникшим» или «искусственно созданным» продуктам социокультурного творчества. Поэтому проблема образовательной ценности цифровых и информационно-коммуникационных технологий оказывается коррелятивной вопросам природы научного знания, условий его достоверности и истинности, познавательного значения и границ применимости методологических, концептуальных и терминологических средств.

Методология. Для изучения методологических и мировоззренческих стратегий цифровизации образования используются историко-критический и междисциплинарный подходы, основанные на принципах философско-эпистемологических концепций информационного общества в контексте анализа их предметного (диалектика) и смыслового (феноменология) содержания. Диалектика рассматривается как «наука о связях в противоположность метафизике», как теория «единства противоположностей», обеспечивающая возможность мысленной реконструкции объекта в его противоречивости, процессуальности и целостности. Феноменология используется в значении метода, опирающегося на техники выражения всякого предметного содержания в актах сознания и тем самым распределения объективированных логических отношений. Систематическое использование комплекса средств философско-эпистемологической аналитики открывает реальную перспективу выявления познавательного значения и определения границ применимости цифровых и информационно-коммуникационных технологий в образовательной сфере. Заимствованные из области математики, теории информации и кибернетики понятия о цифровизации, информации и информационно-коммуникационных технологиях сами по себе отнюдь не принадлежат к числу эпистемологических средств, непосредственно фиксирующих те или иные образовательные и вообще какие-либо социальные сущности. Этим обусловлено выдвижение на передний план проблемы их истолкования в тер-

минах объектов онтологии образовательного опыта (познавательного и практического).

Обсуждение. Господствующие от Г. Галилея, Р. Декарта и Г. Лейбница до сегодняшнего дня убеждения, что «книга природы написана на языке математики», а в любой области знания столько науки, сколько в ней математики знаменуются интенциями тотальной цифровизации едва ли не всех без исключения форм как познавательной, так и практической активности. Созданию «цифрового образовательного пространства» придается значение важнейшего условия технологического прорыва и возможности построения общества знания¹. Однако нередко упускается из виду, что достижения столь амбициозных целей находятся в прямой зависимости от хода и характера поистине революционных, но антропологически мало осмысленных перемен в области математики, компьютерной техники, естественно-научного и социального эксперимента.

В силу аксиологической нейтральности системы познавательных средств математики и теории информации вполне реальными представляются опасения возможности негативных последствий их использования в решении столь масштабных социальных и образовательных задач [1]. Опасения такого рода представляются тем более обоснованными уже при попытках ответов на вопросы: что такое возникшая в конце XVI – начале XVII столетия новоевропейская наука и почему ее развитие уже к концу XIX – началу XX в. ознаменовалось формированием культурно-цивилизационной среды, поименованной О. Шпенглером как «закат Европы», а Э. Гуссерлем как «жизненный кризис европейского человечества»?

Жизненный кризис, согласно Э. Гуссерлю, представлен масштабными социально-антропологическими катастрофами двух мировых войн первой половины XX столетия и по существу является специфическим выражением духовного кризиса европейского человечества. Поскольку же глубинную основу его духовного мира составляет научное мировоззрение, то преодоление тенденций деградации и распада как практической, так и духовной сфер жизни общества совпадает с задачами уяснения природы научного метода в его соотнесенности с «интересами человеческого разума» (И. Кант). Однако осуществление такой, по преимуществу философской работы, оказывается в высшей степени затруднено состоянием современной европейской науки, демонстрирующей с конца XIX – начала XX в. очевидные черты глубокого эпистемологического кризиса (кризис оснований математики, «революция в физике», биологии и др.). Его порождающие структуры укоренены в идеологии научного метода, охва-

¹ Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг.: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017. № 203). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 12.12.2024).

тывающего корпус, составляющих оппозицию метафизике научных знаний (о природе и человеке), объединенных во времена Галилея, Декарта и Лейбница в составе дисциплинарного пространства *Mathesis universalis*. Речь идет о выдвигании на передний план, укреплении позиций и абсолютизации методологических требований количественного подхода и техник идеализации объектов исследования в области как дедуктивных, так и индуктивных наук.

Современные теоретические и экспериментальные исследования в науках о природе и культуре не мыслимы, если они не опираются на широкое использование методов логико-математического моделирования и количественных измерений. Вместе с тем именно они, несмотря на высокую познавательную продуктивность, впечатляющие опыт и перспективы практического использования научно-исследовательских результатов (научно-технический прогресс), расцениваются Э. Гуссерлем в качестве важнейшего источника и «жизненного», и «духовного» кризисов европейского человечества. Этот кризис отнюдь не означает крушения европейской рациональной культуры, не является выражением сущности самого рационализма или научной рациональности. Цивилизационные потрясения и антропологические катастрофы Европы возникают не из опыта научного метода и научной рациональности самих по себе, а вследствие их опредмечивания, превращения в «натурализм» и «объективизм» [2, с. 100].

Натурализм, по мнению Э. Гуссерля, не имеет ничего общего с научным методом, сводится к техникам онтологизации абстракций, отождествлению подлинной реальности с ее естественно-научной картиной. В результате объективации научной картины мира она приобретает статус реальности существования и выступает в качестве исходной предпосылки познания, будучи всего лишь его результатом. В силу тех же причин наука утрачивает значение инстанции, представляющей ответы на любые вопросы и санкционирующей истину. Дело в том, что сама новоевропейская наука вошла в XX столетии в зону эпистемологических потрясений и методологических катастроф, когда «Прочные основания физики разрушены. Прежние основания научной мысли становятся невразумительны. Время, пространство, материя, эфир, электричество, механизм, организм, конфигурация, структура, модель, функция – все требует переосмысления. Какой смысл говорить о механическом объяснении, если мы не знаем, что подразумеваем под механикой?»² Этой оценкой А. Уайтхеда (А. Уайтхеда) в полной мере может быть охарактеризовано и нынешнее состояние новоевропейской науки. Формы ее неклассических и постнеклассических репрезентаций, новейшие направления научного поиска служат выражением эпистемологических традиций и методологических принципов *Mathesis universalis*, включающих

² Whitehead A. Science and the Modern World. New York: Macmillan, 1926. P. 24.

установки аксиологической нейтральности, социокультурной и образовательной неопределенности³.

Успехи информационных и математических исследований, впечатляющие результаты опыта их технико-технологических приложений выполняют роль структур, порождающих существенные культурно-цивилизационные трансформации социума, свидетельствующие о реальности и масштабах процессов качественных преобразований естественно-исторических форм образа человеческой жизни и деятельности под влиянием искусственных изобретений научной рациональности. К настоящему времени эти преобразования достигли едва ли не критических значений и не без оснований расцениваются как ознаменовавшие переходом к новой, «постиндустриальной», или «информационной», стадии развития общества. Практически общепринятым является убеждение, согласно которому на этой, постиндустриальной, стадии социального прогресса ключевое, решающее значение приобретает именно система образования, будучи не только источником наиболее ценной информации, но и структурой, обеспечивающей необходимые условия ее хранения, переработки, распространения и использования.

Вместе с тем в «Декларации Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества»⁴, в государственной программе России «Информационное общество: 2011–2020 гг.» отсутствуют разделы, специально посвященные вопросам образования. В Женевской декларации говорится «...об общем стремлении построить ориентированное интересами людей, открытое для всех и направленное на развитие информационное общество»⁵ как воплощение гуманистических принципов его социальной организации и взаимоотношений с окружающей средой. Здесь же подчеркивается, что «...понятие информационного общества основывается на достижениях технологии..., а общество знания опирается на более широкие социальные, этические и политические параметры»⁶.

Однако, несмотря на масштабность прогнозируемых социокультурных преобразований, они отнюдь не затрагивают, а лишь слегка модифицируют действия основополагающего, формообразующего принципа капитализма – принципа социального неравенства. Речь идет о, казалось

³ Whitehead A. Science and the Modern World. New York: Macmillan, 1926. P. 24.

⁴ ЮНЕСКО: Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии. Декларация принципов (Документ HVSIS-03. Женева /4 RR. 12.12.2003). URL: <https://cis.minsk.by/page/3550/deklaracia-principov> (дата обращения: 21.12.2024).

⁵ Проект «Современная образовательная среда России» (утвержден Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 25.10.2016 № 9). URL: <http://government.ru/projects/selection/643/25682/> (дата обращения: 21.12.2024).

⁶ Там же.

бы, пустяках: различиях в доступе к информации на почве имущественного расслоения, то есть по признаку несопоставимости возможностей по оплате информационных услуг, включая те, которые предоставляются университетским образованием, безусловно лидирующим в производстве и распространении научных знаний, – важнейшего элемента стратегии информационного общества. Однако, оценивая нынешнее состояние европейского университета, претерпевающего существенные трансформации образовательных идеалов, выдвинутых и обоснованных в начале XIX века Вильгельмом фон Гумбольдтом, нельзя не учитывать разрушительные последствия (финансовые, институциональные и др.) усилий последних десятилетий, направленных на превращение университета «...в подобие коммерческих фирм по производству интеллектуальной собственности» [3, с. 15].

Вопреки замыслу В. Гумбольдта, обособляются и оказываются противопоставленными друг другу образовательная и исследовательская функции университета. Возникающие на этой основе «научные парки» чреваты формированием новой классовой структуры общества на базе различий в доступе к знанию. По-видимому, не случайно в современной западной литературе для обозначения основанного на частной интеллектуальной собственности общества знания используется метафора «информационного феодализма» [3, с. 24]. Таким образом идея общества знания обнаруживает столь очевидную озабоченность сохранением незыблемости буржуазного истеблишмента, что в ней просматриваются в большей степени черты идеологической доктрины, чем отвечающей требованиям объективности и достоверности социальной теории.

Государственная программа России «Информационное общество 2011–2020 гг.»⁷ охватывает все отрасли и сферы деятельности и состоит из четырех подпрограмм: 1) «Информационно-телекоммуникационная инфраструктура информационного общества и услуги, оказываемые на ее основы»; 2) «Информационная среда»; 3) «Безопасность в информационном обществе»; 4) «Информационное государство». Каждое из них распадется на ряд градаций (от четырех до шести) и лишь подпрограмма «Информационное государство» включает один из шести пунктов (пятый пункт), содержащий упоминание об образовании в следующем контексте: «Развитие серверов на основе информационных технологий в области образования, науки и культуры» (Государственная программа России «Информационное общество 2011–2020 гг.») Из девятнадцати предусмотренных государственной программой направлений развития информационных инициатив

⁷ Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 гг.) № 313 от 15 апреля 2014 г. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Информационное_общество_ГП (дата обращения: 21.12.2024).

системе образования отведена далеко не лидирующая роль. Это подтверждается и официальным определением ее статуса как «сферы образовательных услуг», и нынешним удручающим состоянием материальной базы, размерами зарплат преподавателей, стипендий студентов, аспирантов и докторантов вузов России, сохраняющих полную нечувствительность к 1,2 трлн «информационных инвестиций».

Программа «О стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг.» включает специальный проект «Современная цифровая образовательная среда России»⁸, предусматривающий совершенствование системы непрерывного образования за счет создания единой цифровой образовательной среды. Речь идет о существенном росте качества использования уже существующих и формировании новых онлайн-ресурсов, образовательных платформ и подготовке уже к 2025 г. до 40 % населения страны, владеющего навыками в области цифровых и информационно-коммуникационных технологий.

Нет нужды доказывать, что сколько-нибудь обоснованные позитивные образовательные ожидания возможны лишь при условии осуществления предварительной, вполне самостоятельной работы по построению нового образа, новой концепции человека в форме его специфических репрезентаций как своего рода «цифрового и информационно-коммуникационного существа». Однако, несмотря на то, что современная исследовательская литература содержит немало попыток определения понятия «цифрового человека», все они еще далеко не преодолели зону метафоры и в направлении его терминологизации делаются лишь первые шаги [4]. Не менее сложной задачей представляется и адекватная оценка условий референциальной осмысленности данного понятия. Эта проблема особенно актуальна в связи лавинообразным проникновением в образовательные и технологические процессы больших языковых моделей и настоятельными потребностями их истолкования в терминах аутентичных объектов онтологии. Несмотря на существующие трудности продвижения в данном направлении, уже сейчас можно говорить о получении некоторых, по-видимому, перспективных результатов (построение «индивидуальных образовательных траекторий», систематизация и обобщение обратных связей между преподавателем и обучающимся и обучающимися между собой) [5]. Однако этот опыт отнюдь не безупречен и содержит в себе не рефлекслируемые антропологические допущения, что может привести к необратимым и непредсказуемым трансформациям образовательного пространства.

⁸ О стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг.: (Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 12.12.2024).

В сетях отношений, образованных взаимодействием цифровой среды, образовательных практик и жизненного мира личности, к настоящему моменту наметились сложные и противоречивые тенденции. Одной из таких тенденций является самопроектирование человека в соответствии с паттернами, действующими исключительно в границах цифрового пространства, что зачастую приводит к возникновению ряда существенных педагогико-антропологических проблем, например: отрыву предметно-телесных и социо-антропологических характеристик жизни и образования от дискурсивно-символических сторон получения знания и социализации; утере эстетических и этических компонентов образования; необратимой трансформации возрастных форм и границ [6].

Существующие объективные трудности практического характера, множественность концепций информационного общества [7], высокая степень зависимости их идейно-теоретического содержания от эпистемологических характеристик методов логико-математического конструирования, индивидуальных и групповых интересов и др. вызывают сомнения не только в достижении намеченных Программами целей, но и в реальности существования информационного общества, в возможности его построения хотя бы в отдаленной исторической перспективе.

Утверждения о прямой зависимости формирования новой социальной реальности от прогресса искусственных, цифровых и информационно-коммуникационных технологий свидетельствуют об ее принадлежности к уже скомпрометировавшим себя технократическим утопиям, а тенденции уподоблению социальному идеалу – к идеологическим фикциям современности. Можно лишь предполагать, сколь существенными отрицательными образовательными последствиями чреваты доктрины построения информационного общества. Они, в частности, отличаются высокой степенью неоднозначности подходов к истолкованию его природы («постфордизм», «информационный капитализм», «сетевое предпринимательство», «общество наблюдения и контроля», «корпоративный и потребительский капитализм», «постбуржуазное общество», «постцивилизационное», «постмодернистское» и мн. др.). Вместе с тем общим для всех версий будущего являются убеждения в незыблемости капитализма и решающей роли прогресса информационно-коммуникационных технологий в формировании ситуации «Великого разрыва» [8], опосредующего переход от индустриальной к информационной стадии развития общества.

Считается практически общепринятым, что становление социальных, политических, производственно-экономических, образовательных и других структур информационного общества осуществлялось в контексте как позитивных, так и негативных тенденций развития [8–11]. В последнем случае имеются в виду «деградация социальных связей и общих ценностей, объединяющих на Западе людей», «уменьшение роли семьи в жизни лю-

дей», распространение «культуры радикального индивидуализма», что приведет «к разрушению всех форм власти и ослаблению связей, скрепляющих семьи соседей и нации» [12, с. 15]. Наряду с высокими оптимистическими оценками происходящих и ожидаемых перемен и «Женевская декларация», и отечественные программы цифровизации, проекты внедрения информационно-коммуникационных образовательных технологий содержат также и опасения по поводу реальной возможности, во-первых, роста влияния на общество средств массмедиа; во-вторых, разрушения частной жизни людей; в-третьих, отбора качественной и достоверной информации; в-четвертых, угрозы разрыва между информационной элитой (разработчиками технологий) и потребителями информационной продукции. Как позитивные, так и отрицательные ожидания от сознательных усилий европейского человечества, направленных на построение информационного общества, могут быть оправданы лишь в случае прояснения эпистемологических «условий его права» (И. Кант) на существование.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что узловые понятия, выполняющие роль формообразующих принципов информационного общества («информация», цифровизация, «знание», «информационно-коммуникационные технологии» и др.), сами по себе не принадлежат к числу ни образовательных, ни производственно-экономических, ни даже каких-либо социальных сущностей. Поэтому уяснение их истинностных значений и образовательного смысла предполагает проведение предварительной, вполне самостоятельной работы по их истолкованию в терминах соответствующего культурно-исторического контекста как атрибутивных определений нового типа социальности, возникшего (или возникающего) в процессе «Великого разрыва».

Так что же такое информация? По мнению одного из «отцов основателей» нынешних информационных технологий Н. Винера, «информация – это не материя и не энергия – это информация» [13, с. 3]. Отсюда может вытекать и значительно позже обоснованное, едва ли не общепринятое убеждение, что информация являет собой один из образцовых примеров исходных, но интуитивно образованных, по существу неопределенных научных понятий. Не вдаваясь в подробности анализа десятков и даже сотен ее исторических и современных определений [14], отметим, что инвариантным для них, выражающим их сущность является предложенное Н. Винером понятие о «выборе». Информация возникает в ситуациях выбора, имманентных поведению сложных динамических систем в природе и обществе. Она характеризует протекающие в них процессы со стороны организованности, упорядоченности и целостности в противоположность тенденциям дезорганизации, распада и хаоса.

Согласно Н. Винеру, в термодинамической картине мира информация играет роль сил сопротивления энтропии и там, где «...энтропия в целом

стремится к возрастанию, существуют местные и временные островки уменьшающейся энтропии и наличие этих островков дает возможность доказывать наличие прогресса» [13, с. 49]. Любая информация независимо от ее конкретного содержания рассматривается как выбор между двумя или более значениями, характеризующимися теми или иным вероятностями. За счет отождествления информационных процессов, протекающих в технических системах, живой природе и обществе, обеспечивается универсализация селективных процессов. Такое понимание сути дела открывает реальную перспективу формулировки и решения проблем управления и связи «в общем виде», без учета их качественных характеристик, протекающих из приуроченности к тому или иному технико-технологическому, биологическому либо социально-историческому материалу. Таким образом, абстрагированное от качественных свойств и содержательно редуцированное к «числу выборов» («количество информации») понятие информация приобретает значение формы выражения негэнтропийных эффектов, и подобно «веществу», «полю» и «энергии», становится фундаментальным, субстанциальным определением реальности.

Несмотря на содержательную неопределенность, во всех без исключения дискурсах об информационном обществе, термин «информация» используется так, как будто заранее известен его социокультурный смысл. Едва ли можно признать удачным представленный Н. Винером в «Кибернетике и обществе» опыт определения социального смысла и антропологических перспектив теоретико-информационного дискурса. Попытка выявления информационных условий построения справедливого, основанного «на человеческих ценностях, отличных от купли-продажи общества» [13, с. 167] ограничилась апелляциями к сентенциям абстрактного гуманизма – «росту уровня общественного сознания», «прорастанию зерен добра», социальной ответственности деловых кругов» [13, с. 167]. Наряду с этим и в кибернетике, и в теории информации попытки рационализации информационных явлений сопровождаются распространением широкого диапазона не только различных, но и прямо противоположных позиций. В частности, еще и сейчас к числу непреодоленных относится альтернатива: информация обладает статусом существования только в процессах управления или же, напротив, существует и независимо от него.

Принято различать информацию в ее донаучном и научном истолкованиях. В первом случае информация понимается как сообщение некоторых сведений одному человеку или группе в виде условных знаков посредством специальных передающих и принимающих устройств. Во втором представлена рядом различных, во многом не совпадающих и даже противоречащих друг другу версий (шенноновская, комбинаторная, топологическая, алгоритмическая и др.). В переосмыслении нуждаются и существующие техники оценки качества информации. Они крайне ненадежны. Объясня-

ется это тем, что за пределами их досягаемости остается ряд существенных свойств информации, проистекающих из условий ее передачи через каналы связи (способы передачи, типы материальных носителей, формы сигналов, конкретное содержание материала и т. п.). Без учета этих условий переданная через каналы связи информация может оказаться неразличимой с точки зрения принадлежности к истине или лжи.

Есть основания считать, что главной причиной такого положения дел является устойчивая традиция истолкования современных математических языков описания в контексте развитых Р. Декартом идей «универсальной математики», акцентирующих внимание на формальных, чисто количественных аспектах реальности, практически исключающих возможность ее качественных репрезентаций. И это понятно, если учесть, что методы математического моделирования информационных, образовательных, коммуникационных и других процессов основываются на аксиоматически бесспорном принципе «*Mathesis universales*» Декарта, гласящем: «Все науки, занимающиеся изучением порядка и меры, относятся к области математики независимо от того, находят они эти порядок и меру в числах, фигурах, звездах, звуках или в совершенно иных предметах и что поэтому должна существовать Универсальная наука, которая изучала бы, независимо от каждого отдельного ее применения, все, что имеет отношение к порядку и мере»⁹.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что такое понимание сути дела непосредственно вытекает из развитых Р. Декартом в «Правилах для руководства ума» более общих, собственно философских представлений о научном познании как процессе, основу которого составляет одна и та же тождественная себе человеческая мудрость, относящаяся к различным наукам, как солнце к различным, освещаемым предметам¹⁰. Реальные условия построения достоверного, истинного знания открываются на путях изучения законов этой мудрости, а отнюдь не обобщения опыта логико-методологической активности наличного корпуса наук. Законы, или методологические правила, «человеческой мудрости» побуждают рассматривать истинное знание как удовлетворяющее требованиям ясности, отчетливости и достоверности, которые устанавливаются посредством интуиции. А это значит, что к числу безусловно истинного могут быть отнесены лишь два вида очевидно достоверного знания. Речь идет, во-первых, о ясных, отчетливых, самих по себе достоверных аксиомах и, во-вторых, о положениях, которые хотя и не очевидны, но дедуцированы из ранее уже обоснованных, или непосредственно усмотренных в интеллектуальном созерцании истин.

⁹ Декарт Р. Избранные произведения. М.: Наука, 1950. С. 93.

¹⁰ Там же. С. 80.

Истинностная нейтральность информационных сообщений преодолевается на путях предварительного, продиктованного теми или иными интересами задания им вполне определенного смысла. Это понятно, если учесть, что теория информации – это наука о связи. Она исследует вопросы переработки, а не производства и тем более не происхождения информации. Отсюда вытекает необходимость в каждом конкретном случае предыстолкования информации, ее предметной идентификации и уже в этом виде включения в каналы связи в виде семантически осмысленного или отвечающего требованиям эмпирической верификации сообщения. Поэтому сфера применимости информационной аналитики совпадает с границами классов явлений, для которых понятие информации может быть однозначно сформулировано в терминах объектов онтологии соответствующего естественно-исторического контекста.

Скажем, о социальной информации имеет смысл говорить при обсуждении лишь тех стадий антропогенеза, когда уже возник человек и тем самым решен вопрос о том, что считать социальной информацией. В «Происхождении видов путем естественного отбора» Ч. Дарвина, как известно, обсуждаются отнюдь не вопросы «происхождения», но именно «эволюции» видов, а существование живых организмов со свойствами изменчивости, наследственности и «борьбы за существование» задается им *a priori* и по существу может служить образцовой иллюстрацией научной плодотворности интуитивно осмысленного понятия. Исторический опыт попыток его рационализации и эмпирической интерпретации с учетом требований научного метода представлен обширным массивом теоретических и экспериментальных исследований вопросов происхождения и сущности органической жизни, которые находятся за пределами досягаемости познавательных средств «теории происхождения видов». Выявление истинностных значений существующих представлений о природе социальной, образовательной или биологической и другой информации не мыслимо, если оно не опирается на предварительные ответы по меньшей мере на три вопроса: 1) что такое человек, образование и органическая жизнь; 2) что такое наука; 3) что такое наука о человеке, образовании и органической жизни?

Аналогичные следствия вытекают и из опыта уяснения онтологического смысла «цифровизации» или, что-то же самое, – оценки истинностных научных знаний, артикулированных в системе средств математических языков описания. Математика, согласно определению ее предмета, – наука о количественных отношениях и пространственных формах действительности, об отношениях между объектами, о свойствах которых известно лишь то, что предзадано в виде аксиом, положенных в качестве оснований какой-либо естественно-научной, или социогуманитарной теории. Поэтому все математические истины априорные и аналитические (Г. Фреге).

Поскольку же значения исходных терминов математики задаются по определению или посредством постулирования, то ответы на вопросы об их природе оказываются в высшей степени неопределенными. Число, например, – одно из основных понятий математики, используемое для количественного описания объектов, чаще всего рассматривается либо как определенный психологический объект, либо тот знак (цифра), которым он обозначается. Неопределенность в понимании числа порождает неопределенности смысловых значений и других исходных терминов математики (множество, равенство, переменная, функция). Согласно Г. Фреге, число не абстрагируется от вещей и не является их свойством. Все еще остается не проясненным вопрос, к чему относится то, что высказывается посредством указания на число. Тем не менее уже в «Математических началах натуральной философии» (1687) И. Ньютон говорит о подчинении явлений законам математики и благодаря его усилиям, а также в работах Лейбница, Эйлера и др. классическая механика предстала как теория обыкновенных дифференциальных уравнений второго порядка.

Вместе с тем, несмотря на неопределенность важнейших терминов, математика классической механики – отнюдь не вспомогательное средство физики, а источник ее фундаментальных понятий. Так, смысл гравитации сводится всего лишь к названию математического символа, а понятия массы и инерции выглядят как фикции – продукт неограниченного произвола фантазии [15, с. 70–71].

Осознав вытекающие отсюда негативные экологические, социальные и другие последствия цифровизации (математизации), президент международного общества механиков Лайтхилл недавно вынужден был принести извинения современникам за введение их в заблуждение относительно универсальности законов «Ньютонианской физики» (классической механики). Нынешние поколения населения России на собственном опыте могли убедиться в беспомощности реформ народного хозяйства страны на основе реализации «научно обоснованных» математических моделей экономического роста.

Есть также основания утверждать, что из попыток опереться на авторитет математики и математического естествознания в поисках ответов на актуальные, «вечные» вопросы о человеке, его природе, смысле жизни, месте в мире и историческом предназначении проистекает такое, в высшей степени влиятельное интеллектуальное движение в Европе XX в. как философия постмодерна. Представители его, своего рода «патристики», Жак Лакан, Юлия Кристева, Люси Иригарей, Бруно Латур, Жан Бодрийяр, Жиль Делез, Феликс Гваттари и Поль Вирилио, широко используя терминологию, заимствованную из области современной математики, физики и математической логики, отстаивают позиции крайнего эпистемологического релятивизма и радикального скептицизма в философии науки

и социогуманитарном познании¹¹. Насильственное, без какой-либо предварительной оценки эпистемологических условий, внедрение математических и естественно-научных понятий в науки о культуре оказывается всего лишь демонстрацией совместимости этих понятий с самыми нелепыми утверждениями и вызывающими недоумение «теориями» [16].

По-видимому, доктрина информационного общества, опирающаяся на столь зыбкие онтолого-эпистемологические основания техник математического и информационно-коммуникационного моделирования объективно сложных и в высшей степени противоречивых процессов культурно-цивилизационной эволюции едва ли может рассматриваться в качестве действенной программы построения желаемого общества будущего и представляет собой не более чем одну из многих идеологических утопий, чреватых непрогнозируемыми антропологическими и социальными последствиями образовательных практик.

Как известно, они дифференцированы в зависимости от приуроченности к соответствующим социокультурным традициям и естественно сложившимся опытам рационализации, вследствие чего далеко не всегда оказываются благоприятными случаи межкультурного образовательного обмена. Непосредственным тому подтверждением может служить развитая в рамках концепции «культурно-исторических типов» (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби) убедительная аргументация о существенной ограниченности интеграционных возможностей диалога культур, а также обоснованные опасения К. Д. Ушинского и классиков отечественной педагогической мысли по поводу правомерности межкультурных образовательных инвестиций, множественные примеры обострения и глобализации цивилизационных конфликтов и, наконец, очевидный провал настойчиво проводимой до недавнего времени геополитики мультикультурализма.

Ситуация «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон) обнаруживается в многообразии выражающих ее противоречий и антагонизмов, которые непосредственно затрагивают образовательную сферу, обеспечивающую производство научной и исторически перспективной информации. Оценивая сложившееся положение дел, опираясь на опыт отечественной интеллектуальной и образовательной традиции, К. Д. Ушинский уже во второй половине XIX в. в ряде своих исследований развил убедительную аргументацию против некритического восприятия российской общественностью научно обоснованных «изобретений» западноевропейской педагогической мысли [17].

¹¹ См.: Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. 248 с.

Разделяя идеи теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского о самобытности, неповторимости и даже уникальности исторических и современных цивилизаций планеты, К. Д. Ушинский смог показать, что «основания воспитания и цель его, а следовательно, и его направления различны у каждого народа и определяются народным характером»¹². Поэтому ошибочными являются широко распространенные не только в Европе, но и в России убеждения о реальности существования некой общечеловеческой системы образования. Она невозможна уже потому, что «школьное воспитание далеко не составляет всего воспитания народа. Религия, природа, семейство, придания, поэзия, законы, промышленность, литература – все, из чего складывается историческая жизнь народа, составляет его действительную школу, перед силой которой сила учебных заведений, особенно построенных на началах искусственных, совершенно ничтожна»¹³.

Жесткая оппозиция искусственных и естественных систем воспитания объясняется К. Д. Ушинским фактом непреодолимости различий западноевропейской и отечественной культур, свойственных им форм аксиологии образов жизни. Наряду с этим отмечается, что искусственные системы воспитания могут возникать не только на путях некритического заимствования «новейших идей» западноевропейского педагогического гнозиса, но и на почве образовательных фантазий отечественного образовательного авангарда. В обоих случаях искусственные системы воспитания характеризуются высокой степенью вероятности негативных последствий из-за несовместимости с опытом отечественной антропологической и социокультурной традиции. Между тем выявление и идентификация искусственных систем воспитания и образования – задачи актуальные и объективно сложные. В условиях релятивизации оснований современного научного познания, дискредитации классической концепции истины и признания права на существование ее неклассических форм [18, с. 5–30] определение образовательной ценности стратегий цифровизации и информационно-коммуникационного моделирования возможно лишь в контексте их систематического онтолого-эпистемологического анализа. Сами по себе истины математики, теорий информации и информационно-коммуникационных технологий не могут гарантировать ни собственную достоверность, ни тем более справедливость построенных на их основе образовательных проектов [19]. Искусственно созданные научные и научно-технические, формализованные знания существенно отличаются от естественно возникшего «живого», опытного знания. А это значит, что искусственные системы воспитания возникают в современном отечественном образовании не просто в результате насильственного внедрения цивилизационно чуждых идей, агрессивные по

¹² Ушинский К. Д. Собрание сочинений. СПб.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1950. Т. 9. С. 117.

¹³ Там же. С. 123.

отношению к социокультурной традиции образовательные практики могут формироваться на почве когнитивного произвола техник их конструирования средствами формализованных языков математики и теории информации.

Поскольку взятые сами по себе они не содержат указаний на способы, границы и возможные последствия их применения в природе и обществе (экологические, антропологические, образовательные и др.), то сколько-нибудь строгая постановка вопросов образовательной ценности цифровизации и информационно-коммуникационных технологий возможна лишь при учете различий между научной рациональностью и наукой западноевропейского типа, информацией и знанием, разумом и научной рациональностью. Формирование антропологически аутентичной «цифровой образовательной среды», отвечающей интересам выживания и исторической перспективы человека, должно опираться на опыт не столько формализованного, сколько «живого знания» как выражения подтвержденных практикой достижений интеллектуальной традиции.

Заключение. Объясняется это потребностями преодоления кризиса оснований математики и математического естествознания (революция в физике, кризис в биологии и др.), ознаменовавшегося утратой логикой и математикой значения универсальных языков описания. Из учений о фундаментальных принципах бытия и познания они превратились во всего лишь элементы стратегии языка науки как «непосредственной действительности мысли» (К. Маркс). Деонтологизация системы средств логико-математической аналитики оказалась чреватой распадом логико-эпистемологических оснований научной рациональности, оформлением представлений о множественности ее исторических типов (классическая, неклассическая, постнеклассическая), фальсификацией классической концепции истины как цели и абсолютной ценности научного познания.

Задачи антропологической и социокультурной осмысленности образовательных проектов научной рациональности представляются совершенно неразрешимыми. Первые шаги к преодолению существующих трудностей были сделаны благодаря разработке системы средств философско-эпистемологической аналитики феноменологического метода (Э. Гуссерль) и концепции языковых игр (Л. Витгенштейн). Предпринятый Э. Гуссерлем опыт прояснения самой идеи науки, опираясь на специально разработанную систему трансцендентальной логики, понятой как логика субъективного выражения всех объективированных «фигур логического опыта», как логика генезиса всех формализованных связей (формально-логических, математических), включает и детальное описание техник распределения или форм выражения предметности в актах сознания. С другой стороны, концепция языковых игр, хотя и ограничена описанием структур «лингвистической реальности» и процессов словесно-терминологическо-

го поведения, тем не менее эпистемологически продуктивна в истолковании проблем цифровизации и информационно-коммуникационного моделирования образовательных сред с одной из малоизученных сторон: с точки зрения природы и единства языковых средств, в которые они обличены. Взаимодополнительность феноменологического и лингвистического подходов обеспечивает возможность органического включения в поле анализа вопросов цифровизации и информационно-коммуникационного моделирования образовательных сред таких фундаментальных понятий эпистемологии междисциплинарного синтеза, как «интеллектуальная традиция», «жизненный мир», «языковые игры», «сверхрационализм», «опредмечивание», «распредмечивание», «техники выражения предметности в актах сознания» и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Асеева И. А.** Кривое зеркало цифровизации // Вопросы философии. 2024. № 2. С. 25–33. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-2-25-33>; EDN: JYLQJV
2. **Гуссерль Э.** Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: монография. СПб.: Университет, 2004. 398 с. EDN: QWFTXJ
3. **Фуллер С.** Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии: монография. М.: Дело, 2018. 384 с. EDN: AQKGKW
4. **Грязнова Е. В.** Цифровой человек: к вопросу о методологии философских исследований // Философия науки. 2024. № 3 (102). С. 39–50. DOI: 10.15372/PS20240303; EDN: ARDWFJ
5. **Соловов А. В., Меньшикова А. А.** Модели проектирования и функционирования цифровых образовательных сред // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 1. С. 144–155. DOI: 10.311992/0869-3617-2021-30-1-144-155; EDN NUHTID
6. **Грыкалов А. А., Воскресенский А. А., Мартынова С. А., Ермилов К. А.** Философия образования и цифровой мир: стратегии обращений // Вопросы философии. 2025. № 1. С. 63–74. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-1-63-74. EDN ANREMT
7. **Вольфсон Ю. Р., Волгина А. Е.** Проблема классификации теорий информационного общества // Современные исследования социальных проблем (Электронный научный журнал). 2017. Т. 8, № 3. С. 80–110. DOI: 10.12731/2218-7405-2017-3-80-110; EDN: YLFBWV
8. **Бондаренко В. М.** Информационное общество для всех – информационное общество для каждого человека в отдельности // Информационное общество. 2001. № 1. С. 34–36. EDN: HRNVDD
9. **Сироткин А. В.** Информационное общество и цифровая трансформация в социально-философском дискурсе // Социология. 2024. № 9. С. 141–147. EDN: EFUFBU
10. **Алексеева О. А.** Информационное общество: цифровое неравенство российских регионов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 11 (169). С. 7–13. DOI: 10.26726/rppe2024v11istdi; EDN: LHNVRV
11. **Евстафьев Д. Г.** Современное информационное общество как методологический объект: диалектика технологий и новой социальности // Вопросы философии. 2024. № 1. С. 47–57. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-1-47-57; EDN: UZBAXS
12. **Фукуяма Ф.** Великий разрыв: монография. М.: АСТ, 2008. 476 с. EDN: QOIPPL
13. **Винер Н.** Кибернетика и общество: монография. М.: Тайдекс, 2003. 288 с. EDN: QMMOGJ
14. **Максимов И. В.** О природе и определениях информации: физика и семантика // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2020. № 7. С. 1–12. DOI: 10.36535/0548-0027-2020-07-1; EDN: LXPZSQ

15. **Клайн М.** Математика. Утрата определенности: монография М.: РИМИС, 2007. 434 с. EDN: QJSDUN
16. **Гобозов И. А.** Очень своевременная книга. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна: пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина, М., 2002. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002 // Философия и общество. 2003. № 1 (30). С. 164–175. EDN: RZMJHT
17. **Чечеткин Ю. В.** Ушинский К. Д. о русской народности // Журнал педагогических исследований. Т. 8, № 6. С. 9–12. DOI: 10.12737/2500-3305-2024-8-6-9-12; EDN: FEEZSI
18. **Балахонский В. В., Бахтин М. В., Стрельченко В. И.** Модели и философско-эпистемологические репрезентации истории: монография. М.: Энциклопедист-Максимум, 2017. 373 с. EDN: YQEVND
19. **Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М.** Фейнмановские лекции по физике. М.: УРСС, 2004. 21 с. EDN: QJMZST

REFERENCES

1. Aseeva I. A. The Distorted Mirror of Digitalization. *Questions of philosophy*, 2024, no. 2, pp. 25–33. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-2-25-33>. EDN: JYLQJV (In Russian)
2. Husserl E. *Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology*: a monograph. St. Petersburg: Universitet Publ., 2004, 394 p. EDN: QWFTXJ (In Russian)
3. Fuller S. *Sociology of Intellectual Life: Careers of the Mind Inside and Outside Academia*: a monograph. Moscow: Delo Publ., 2018, 384 p. EDN: AQKGKW (In Russian)
4. Gryaznova E. V. Digital human: on the methodology of philosophical research. *Philosophy of Science*, 2024, no. 3 (102), pp. 39–50. DOI: 10.15372/PS20240303; EDN: ARDWFJ (In Russian)
5. Solovov A. V., Menshikova A. A. Models for the design and operation of digital educational environments. *Higher Education in Russia*, 2021, vol. 30, no. 1, pp. 144–155. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-144-155; EDN: NUHTID (In Russian)
6. Gryakalov A. A., Voskresensky A. A., Martynova S. A., Yerilov K. A. Philosophy of education and the digital world: strategies of appeal. *Questions of philosophy*, 2025, no. 1, pp. 63–74. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-1-63-74; EDN: ANREMT (In Russian)
7. Wolfson Y. R., Volgina A. E. The Problem of Classifying Theories of the Information Society. *Modern Research on social Problems (Electronic scientific journal)*, 2017, vol. 8, no. 3, pp. 80–110. DOI: 10.12731/2218-7405-2017-3-80-110; EDN: YLFBWV (In Russian)
8. Bondarenko V. M. Information society for all – information society for each individual. *Information Society*, 2001, no. 1, pp. 34–36. EDN: HRNVDD (In Russian)
9. Sirotkin A. V. Information society and digital transformation in socio-philosophical discourse. *Sociology*, 2024, no. 9, pp. 141–147. EDN: EFUFBV (In Russian)
10. Alekseeva O. A. Information society: digital inequality of Russian regions. *Regional Problems of Economic Transformation*, 2024, no. 11 (169), pp. 7–13. DOI: 10.26726/rppe2024v11istdi; EDN: LHNVRV (In Russian)
11. Evstafyev D. G. Modern information Society as a methodological object: the dialectic of technology and new sociality. *Questions of philosophy*, 2024, no. 1, pp. 47–57. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-1-47-57; EDN: UZBAXS (In Russian)
12. Fukuyama F. *The Great Disruption*: a monograph. Moscow: AST Publ., 2008, 476 p. EDN: QOIPPL (In Russian)
13. Wiener N. *Cybernetics and Society*: a monograph. Moscow: Sovetskoe Radio Publ., 1983, 344 p. EDN: QMMOGJ (In Russian)
14. Maksimov, I. V. On the Nature and Definitions of Information: Physics and Semantics. *Scientific and technical information. Series 2: Information processes and systems*, 2020, no. 7, pp. 1–12. DOI: 10.36535/0548-0027-2020-07-1; EDN: LXPZSQ (In Russian)

15. Klein M. *Mathematics: The Loss of Certainty*: a monograph. Moscow: RIMIS Publ., 2007, 434 p. EDN: QJSDUN (In Russian)
16. Gobozov I. A. A very timely book. Sokal A., Brikmon J. Intellectual tricks. Criticism of modern postmodern Philosophy. Transl. from English by A. Kostikova and D. Kralechkin, Moscow, 2002. Moscow: House of Intellectual Books, 2002. *Philosophy and Society*, 2003, no. 1 (30), pp. 164–175. EDN: RZMJHT (In Russian)
17. Chechetkin Yu. V. Ushinsky K. D. on Russian nationality. *Journal of Pedagogical Research*, vol. 8, no. 6, pp. 9–12. DOI: 10.12737/2500-3305-2024-8-6-9-12; EDN: FEEZSI (In Russian)
18. Balakhonskii V. V., Bakhtin M. V., Strelchenko V. I *Models and Philosophical-Epistemological Representations of History*: a monograph. Moscow: Entsiklopedist-Maksimum Publ., 2017, 373 p. EDN: YQEVND (In Russian)
19. Feynman R., Leighton R., Sands M. *Feynman lectures on physics*. Moscow: URSS Publ., 2004, 21 p. EDN: QJMZST (In Russian)

Информация об авторах

В. И. Стрельченко, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Института философии человека, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48).

В. В. Балахонский, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1).

Е. А. Иванов, кандидат философских наук, ассистент кафедры философии Института философии человека, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48).

Л. В. Балахонская, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет (199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., 26).

Information about authors

V. I. Strelchenko, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy at the Institute of Philosophy of Man, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (48 Moika River Embankment, Saint Petersburg, 191186).

V. V. Balakhonsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Saint Petersburg University of the Ministry of Education and Science Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (1 Pilyutova Pilot str., St. Petersburg, 198206).

E. A. Ivanov, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor at the Department of Philosophy of the Institute of Philosophy of Man, A. I. Herzen

Russian State Pedagogical University (48 Moika River Embankment, Saint Petersburg, 191186).

L. V. Balakhonskaya, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Public Relations in Business, Graduate School of Journalism and Mass Media Communications, St. Petersburg State University (26 1st line V.O., St. Petersburg, 199004).

Вклад авторов:

В. И. Стрельченко – разработка концепции исследования, написание текста статьи.

В. В. Балахонский – редактирование текста, написание текста статьи.

Е. А. Иванов – анализ материалов, доработка окончательного варианта статьи.

Л. В. Балахонская – обзор литературы, формирование выводов.

Contribution of the authors:

V. I. Strelchenko – development of the research concept, source text writing.

V. V. Balakhonsky – text editing, source text writing.

E. A. Ivanov – analysis of materials, approval of the final version of the article for publication.

L. V. Balakhonskaya – literature review, formation of conclusions.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Поступила: 13.02.2025

Received: February 13, 2025

Одобрена после рецензирования: 23.04.2025

Approved after review: April 23, 2025

Принята к публикации: 26.06.2025

Accepted for publication: June 26, 2025